

В данной статье мы намерены показать, что моделирует в текстах В. Шаламова пространственно-временной континуум, определяет принципы осмысления и характеристики времени.

В рассказе «Подполковник Фрагин» В.Т. Шаламов пишет *«Я прожил всю жизнь с резко выраженным чувством справедливости, не умею различать масштабы событий»*. Именно это «чувство» моделирует в текстах Шаламова пространственно-временной континуум, определяет принципы осмысления и характеристики времени и связанных с ним явления природного мира, человеческого бытия. Во-первых, время в авторской картине мира воспринимается через призму пространства, бытия, природных реалий «Пространство и время на Крайнем Севере – величины схожие. Часто пространство меряют временем – так делают кочевые якуты – от сопки до сопки шесть переходов. Все, живущие около главной артерии, шоссе, дороги, измеряют расстояние перегонами автомашины». Время у Шаламова – та среда, в которую погружено все человеческое существование. По этой причине восприятие мира ограничено рамками *тюремного времени*. Через этот образ воспринимается, постигается концептуальная сущность универсального понятия «время» и связь его с пространством.

«Тюремное время – длинное время. Тюремные часы бесконечны, потому что бессюжетны. Жизнь, смещенная в промежуток времени от подъема до отбоя, регламентирована строгим регламентом, в этом регламенте скрыто некое музыкальное начало, некий ровный ритм тюремной жизни, вносящий организующую струю в тот поток индивидуальных душевных потрясений, личных драм внесенных извне, из шумного и разнообразного мира за стенами тюрьмы. В эту симонию острога входят и расчерченное на квадраты звездное небо, и солнечный зайчик на стволе винтовки часового, стоящего на караульной вышке, похоже по своей архитектуре на высотные здания. В эту симонию входит и незабываемый звук тюремного замка, его музыкальный звон, похожий на звон старинных купеческих сундуков. И многое, многое другое.

В тюремном времени мало внешних впечатлений – потому после время заключения кажется черным провалом, пустотой, бездонной ямой, откуда память с усилием и неохотой достает какое-нибудь событие. Еще бы – ведь человек не любит вспоминать плохое, и память, послушно выполняя тайную волю своего хозяина, задвигает в самые темные углы неприятные события. Да и события ли это?

Масштабы понятия смещены, и причины кроваво тюремно ссоры кажутся вовсе непонятными «постороннему» человеку. Потом это время будет казаться бессюжетным, пустым будет казаться, что время пролетело скоро, тем скорее пролетело, чем медленнее оно тянулось.

Но часовой механизм все же вовсе не условен. Именно он вносит порядок в хаос. Он – та географическая сетка меридианов и параллелей, на которой расчерчены острова и континенты наших жизней.

Это правило и для обычной жизни, в тюрьме же его сущность более обнажена, более беспрекословна¹.

В знаке – композите *тюремное время* соположены семы 'пространство' 'время'. Семные компоненты лексемы *тюрьма* (совмещены значения 'пространство' и 'время' - поведение сем) определяют и уточняют видовые (дифференциальные) и эмоционально-оценочные (коннотативные), а также потенциальные семные составляющие лексемы *время*.

Самым частотным семантическим признаком выступает 'продолжительность', 'длина', 'протяженность'. Данная характеристика амбивалентна. С одной стороны, эта продолжительность воспринимается как 'бесконечность' (с т.зр. внутреннего субъекта время 'тянется', в прямом значении свойство конкретного предмета, констатирующего его протяженность в пространстве перенос признака из одной координаты, вектора, пространства в другое время), с другой стороны как 'ограниченность' пространства и времени ('*тюремное время*' - '*время в тюрьме*' - '*время заключения*', распорядком дня, от разнообразного мира, от внешних впечатлений. См. аксюморон '*регламентирована регламентом*' (с т.зр. внутреннего субъекта время '*пролетело скоро*', т.к. оно не запоминается перцептору – повествователю по причине его '*бессюжетности*', '*бессодержательности*', '*однообразия*'. Причем, такие универсальные признаки времени, как '*цикличность*', '*регламентированность*' в номинации '*тюремное время*' практически не реализуется схема членения суточного круга (см. далее). Определяющим является видовой признак '*скорость движения*' – '*летит*'/'*тянется*', опять же коррелирующий с характеристикой пространства (движения в пространстве). Пространство – форма, способ существования времени. Из традиционных звуковых, цветовых, погодных характеристик, входящих в концептуальное поле «время» как единичные используются звуковые ('*симония*', '*звук тюремного*

¹ В. Шаламов. «Как тискают романы»/В. Шаламов. Очерки преступного мира. С. 110-111.

замка' и цветовые ('черное', 'темное'), что подчеркивает однообразие и мрачность пространства тюремного времени. Время наделяется пространственными метафорическими характеристиками 'бездонная яма' – хранилище, «откуда память с усилием и неохотой достает какое-нибудь событие» (имплицитные оценочные семы 'неприятное', 'плохое' время 'пустота' (сема 'незаполненность содержанием' 'пустота' (сема 'незаполненность содержанием' 'черны провал' 'ограниченность' от разнообразного мира, от внешних впечатлений, 'тянется'. Часово механизм, отсчитывающий, измеряющий тюремное время уподобляется «географической сетке меридианов и параллелей, на которой расчерчены острова и континенты наших жизней». Два природных объекта (явления) определяют и символизируют суточное движение тюремного времени 'признак', 'степень освещенности', 'расчерченное на квадраты звездное небо' и 'солнечны зайчик на стволе винтовки часового' (наведение сем 'пространство' и 'время').

Оценочно-эмоциональный компонент концепта «время» - 'однообразие', 'бессодержательность', 'пустота', 'бессюжетность', 'монотонность', 'немасштабность'. Оценки объединены семо 'отсутствие'. Социально значимые характеристики образа времени 'обезличенность' (нет памяти о нем).

По точному замечанию Р.О. Якобсона, «в сознании каждого носителя языка содержится представление о разных системах (= моделях времени). Соответственно, каждый раз выбор конкретного слова определяется тем, с какой системой (моделью времени говорящий соотносит предмет описания¹». По мнению Е.С. Яковлева, для каждого носителя языка (в том числе и для автора литературного произведения) «существует как бы два времени: время дурное и время хорошее, время истинное и время неистинное. Есть «испорченное» время, есть глубинное время, сопричастное само вечности, в которой это порчи нет²». Такому разделению повседневного, бытового времени и времени вечного, истинного соответствует разная языковая экспликация: 1. Слова, соотносящие высказывание с повседневностью, реально действительностью (*минута, секунда, момент, время*); 2. Слова, ассоциирующиеся с надбытовым временем, способные соотноситься с Вечностью (*миг, мгновенье, час*). В. Шаламов для тюремного

¹ Цит. По Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 37.

² Там же. С. 52.

времени использует синонимичную номинацию промежутков, что аксиологически лишает «тюремное время» статуса даже бытового времени, это неистинное, 'пустое' время, отделяющее человеческое от нечеловеческого. Ср. вновь семы 'пространство' и 'незначительность, неважность', 'граница', 'бездейственность', 'отсутствие движения' в словарном определении: «Промежуток <...> 1. Пространство между чем-л., разделяющее что-л. <...> Расстояние <...>. 2. Время от одного действия, явления, события до другого, перерыв в действии, процессе, интервал <...>» (БТС, с. 1015).

Известно, что эмпирической базой для осмысления времени на самых ранних ступенях развития человеческого знания являлись биоритмы человеческого организма (микрокосмоса) и окружающего мира (макркосмоса): движение Солнца, смена времен года, изменение положения и фаз Луны, разливы рек, рождение и смерть людей, флоры и фауны. Эти признаки не используются при создании образа тюремного времени, что подчеркивает аномальность, противоестественность этого времени. Бесплодность и бессмысленность этого времени оценены именно по отношению к человеку и окружающему миру; это время означает лишь временность, растворяющуюся в пространстве. Для Человека, героя В. Шаламова, ориентированного на «вечность» - высшая ценность Бог. Ценностно-значимое присутствие «случайного» кардинально меняет образ мира, в котором совершается поступок героя, а следовательно, принципиально меняется этическое содержание самого поступка. Изменение ценностно-временных параметров в произведениях В. Шаламова связано с изменением пространственных ценностных установок. **Колыма** – это не только пространство, и в первую очередь не только пространство, это время, проведенное в заключении, «это Освенцим без печей¹». Главный семантический признак, характеризующий этот пространственно-временной континуум, - 'отсутствие свободы'. «*Выпущен я был не на свободу, понимая под колымской свободой содержание в лагере же, но в общем бараке, на общих правах. На Колыме нет свободы²*». Колыма для писателя – воплощение ада на земле, символ ада в тексте. Символизация обеспечивается ссылкой на прецедентные имена и тексты (*Мефистофель, Фауст, Христос*), рождающиеся интертекстуальные смыслы оценочны, аксиологичны: «*Изгиб пойман, сучок остановлен, срезан рукой мастера, и суть изгиба, суть дерева*

¹ В. Шаламов. Житие инженера Кипреева / Сб. «Воскрешение лиственницы», с. 184.

² В. Шаламов. Галина Павловна Зыбалова / Сб. «Перчатка, или КР-2», с. 361.

обнажена. Под очищенной корой показался стандарт из стандартов, вполне рыночный товар-голова Мефистофеля, наклонившаяся над бочонком, откуда вот-вот должно забить фонтаном вино. Вино, а не вода. Чудо в Кане или чудо в погребке Фауста только потому не становилось чудом, что на Колыме могла забить фонтаном человеческая кровь, а не спирт, - вина на Колыме не бывает, - не гейзер теплой подземной воды, лечебный источник якутского курорта Талой. Вот эта опасность: выбей пробку – и потечет не вода, а кровь – и сдерживала чудотворца Мефистофеля или Христа – все равно». Для Колымы противопоставление добра и зла, Мефистофеля и Христа уже несущественно. Колыма противопоставлена Евангелиевским местам (сема 'безбожие'): «В темной палатке не было даже печки. Где-то в середине огромного числа свежесрубленных топчанов было и мое завтрашнее, сегодняшнее место-топчан с деревянным подголовником – ни матраса, ни подушки, а только топчан, подголовник, вытертое, ветхое одеяло, в которое можно обернуться, как в римскую тогу или плащ саддукеев. Сквозь вытертое одеяло ты увидишь римские звезды. Но звезды Колымы не были римскими звездами. Чертеж звездного неба Дальнего Севера иной, чем в евангельских местах».

Здесь добро и зло поменялись местами, что и определяет изменение ценностно-концептуальной авторской оценки жизни: «У меня изменилось представление о жизни как о благе, о счастье, Колыма научила меня совсем другому.

Принцип моего века, моего личного существования, всей жизни моей, вывод из моего личного опыта, правило, усвоенное этим опытом, может быть выражено в немногих словах. Сначала нужно возратить пощечины и только во вторую очередь – подаяния. Помнить зло раньше добра. Помнить все хорошее – сто лет, а все плохое – двести. Этим я и отличаюсь от всех русских гуманистов девятнадцатого и двадцатого века».

Это время и пространство, подчиненное власти, «казенное» время и пространство, а «власть – это растление. Спущенный с цепи зверь, скрытый в душе человека, ищет жадного удовлетворения своей извечной человеческой сути в побоях, в убийствах». Такое понимание феномена человеческой души близко к концепции русской души С.А. Аскольдова (Алексеева). Концепция «русской души» С.А. Аскольдова построена на специфическом соотношении трех частей, характерных для состава любой национальной души: *святого, человеческого и звериного*. Своеобразие русской души заключается в том, что среднее, специфически человеческое, представлено в ней неизмеримо

меньше по сравнению в национальной психологией других народов, а святое и звериное являются наиболее сильными началами (Марков 2000).

В тексте употреблении семантически сближаются понятия власть – государство – казенный семами ‘бездушие’, ‘бесчеловечность’. См.: *«И как ничтожный результат казнейшего медицинского сопротивления смерти перед карающим мечом государства рождались инструкции, приказы, отписки высшего начальства»*.

Таким образом, время и пространство в текстах В. Шаламова – это этическая категория.